

Миронов А.

7/11-90
122

1949 - 1990 - 7 абз

ЕГО ЛЮБИЛИ ВСЕ

Петровка, 22. Недавно на этом доме, где прошли детство и юность Андрея Миронова, открыли мемориальную доску — на фоне закавеса его мудрое, красивое и бесконечно грустное лицо. Он чуть улыбается своей неповторимой мironовской улыбкой: «Здравствуйте! Вот он—я».

АНДРЕЙ Александрович Миронов... Великолепно его искусство театрального актера, он был прекрасен в кино, неповторим на эстраде.

За двадцать пять лет работы в Московском театре сатиры он создал свой мир образов. Зрители ходили «на Миронова» — и он никогда не обманывал их ожиданий. Даже когда умер его отец, Андрей в те скорбные дни продолжал выходить на сцену: «Зритель не должен страдать из-за личных несчастий актера».

Да, зритель для него был превыше всего: уважение к публике было в высшей степени присуще Андрею. Так его воспитали родители — известные мастера эстрады Мария Миронова и Александр Менакер. ...С Андреем я сдружился, когда мы еще учились в школе. Находилась она в смежных дворах Пушкинской и Петровки.

Как-то раз, незадолго до смерти Андрея, мы вспоминали детство: как в декабре 1949 года после торжественного заседания в Большом театре, посвященного 70-летию «отца народов и друга детей», наш директор Александр Терентьевич водил по классным комнатам мальчиков, которые принимали участие в поздравительной церемонии — вручали президиуму цветы.

— А вот этот мальчик, — говорил директор, показывая на одного стройного красивого пятиклассника, — вручил вчера цветы самому Иосифу Виссарионовичу. И товарищ Сталин наклонился над столом и поцеловал его! Покажи, куда он тебя поцеловал.

И гордый пятиклассник тыкал себя указательным пальцем в щеку.

Андрей грустнел, вспоминая о таких вещах, — он всегда грустнел, встречаясь с чиновничьином, хвастовством, фанфаронством. Это ему претило. Сам он был очень популярен, узнаваем на улице, но тяготился этим. Иронически относился к себе, подшучивал над своей известностью, а наедине с друзьями смешно, по-актерски это обыгрывал.

Последние годы он хотел поменять квартиру, переехать поближе к месту, где родился и вырос. Мы с ним много ходили по разным адресам, но подходящих вариантов обмена так и не нашлось. Андрей шутил: на всех этих домах, дескать, уже можно устанавливать доски: «В этом доме никогда не жил Андрей Миронов», «В этом доме тоже никогда не жил...». Поверьте, не так она была забавна, эта шутка — над беспомощностью артиста во времена беззастенчивых себячествований, себянаграждений, себебюстоустановлений и прочих «себя», «себе». Кстати, он часто говаривал: «Обидеть художника может каждый. А вот помочь...».

Его обаяние киноактера покорило нас давным-давно. Кого-то уже в фильме «Три плюс два», остальных — окончательно и бесповоротно в «Бриллиантовой руке». Кинематограф сохранил его чарующую улыбку, доброту глаз — то строгих, то лукавых, то озорных, но всегда умных.

Как легко он выходил на эстраду, как непринужденно вел беседу с залом. Но какая работа стояла за этой кажущейся легкостью!

Элегантность была впитана им с детства. Одевался с безупречным вкусом, любил красивые вещи, но еще более красиво он умел их носить, будь то простая клетчатая рубашка или белоснежный смокинг. В последние годы, когда пошла мода как бы не псевдомешковатость в одежде, Андрей шутил, что некоторых современных мужчин это просто спасло, — они стали модными, ибо что ни наденут — на них все мешком сидит.

Его песни были любимы всеми, а он был недоволен собой — все хотел наконец спеть шлягер (вроде тех, что пели любимые им Ив Монтан и Фрэнк Синатра), но, по моему, он по скромности так и не догадался, что шлягерами стали все его песни. Правда, их трудно петь кому-либо еще — столько личного, характерного, неподдающегося передаче, повторению или другой окраске было в них. Однажды после спектакля Андрюша со своим сводным братом Кириллом Ласкари зашел ко мне

домой. Кира сел за пианино, и Андрюша напел свой самый любимый романс:

Пусть догорит вечер
холодным закатом,
Голубоглазый месяц
чеканит окно,
Что было раньше невнятно,
сразу стало понятно.
Остается сказать лишь одно...
Этот романс часто пели дома его родители. Когда Андрей ставил в Театре сатиры пьесу Г. Горина «Прощай, конфетансье», он уговорил Яна Френкеля, писавшего к спектаклю музыку, включить этот романс в одну из сцен. Наверное, это была дань ностальгии по детству, по родительскому дому.

Люди старшего поколения хорошо знают и любят классический дуэт — Миронова и Менакер. Их юмор и сатира — хоть и дозированная по меркам прошлых лет — были очень популярны на эстрадных площадках страны, их выступления часто звучали по радио. Но дома ни о какой «дозировке» сатиры не могло быть и речи. Андрей воспитывался на искрометном юморе родителей и их друзей — Б. Ласкина, В. Полякова, Л. Утесова и многих других выдающихся деятелей искусства — тех, кому с их острым умом и иронической наблюдательностью было свойственно реальное видение нашей действительности.

Андрей обожал отца. Александр Семенович Менакер был очень музыкальным человеком, блестяще играл на рояле, знал и любил петь модные песенки 20—30 годов, старые куплеты. Андрюшин цикл песен «ретро», конечно же, создан под влиянием отца.

Очень нежно и трогательно относился Андрей к своей матери — особенно внимательно после смерти Александра Семеновича. Все время заезжал к ней, а если не мог, обязательно звонил. Звонил отовсюду — из театра, из гостей, с гастролей. Даже в зарубежных поездках ежедневно тратил свои жалкие конвертируемые гроши на телефонные звонки.

ПРОШЛО три года со дня смерти Андрея...

Накануне отъезда на свои последние роковые гастроли в Прибалтику Андрюша весь вечер вместе с женой Ларисой Голубкиной, своими друзьями Шурой Ширвиндтом и его супругой провели у меня дома — это был последний дом, где в Москве перед смертью был Андрей...

Он умер на сцене. А. Ширвиндт рассказывал мне, что в последнем акте спектакля «Безумный день, или Женитьба Фигаро» за три минуты до конца действия Андрюша, покачнувшись, произнес: «Шура! Голуба...». Ширвиндт поймал на руки падающего без сознания Андрея. Закрывли занавес. «Неотложка». Больница. Через сутки с небольшим Андрея не стало: обширное кровоизлияние в мозг. Медики говорят, что при таком диагнозе сразу наступает полная потеря сознания и речи. Но Андрей, уже находясь в карете «Скорой помощи», произнес несколько фраз — он договорил слова роли...

Его ждали в Шяуляе, где он должен был дать концерт. Увы, администрация концертного зала вывесила объявление, в котором известила публику о печальном событии, и сообщила, что билеты подлежат сдаче в кассу с возвратом денег. Ни один зритель, однако, билет не сдал: оставил на память...

Его друзья — актеры, писатели — решили в этом году как бы «вернуть» последний долг Андрея Миронова шяуляйскому зрителю: дать концерт по билетам августа 1987 года. Снять об этом концерте телевизионный фильм.

Три года показали, что память об Андрее жива. Так же популярны фильмы с его участием, его постановки идут в Театре сатиры, песни и монологи звучат по радио, их показывают по телевидению.

На могиле Андрея на Ваганьковском кладбище в Москве установлен памятник — две большие черные плиты, как задник сцены, прорези в которых образуют строгий воздушный крест, ниже бронзовая роза, любимый цветок Андрея, впереди черные пилоны, как кулисы театра, в котором прошла вся его жизнь...

А. УШАКОВ.
Фото А. ЗУЕВА.